

И.А. Назаров (Москва, Россия)

Мотив поломки механизма в контексте литературной темы безумия

Аннотация: В статье рассматриваются особенности художественного воплощения феномена безумия в отечественной литературе первой трети XX века – в частности, различные вариации мотива поломки механизма в контексте исследуемой темы. В произведениях различных авторов обнаруживается многообразие представлений о разуме (как абстрактном или конкретном механизме) и безумии (как о явлении, способном повредить механизм частично или полностью). В повести Г.П. Белорецкого «В сумасшедшем доме» автор акцентирует внимание как на поломке «механизма» отдельного человека (ситуации, когда жизнь тела продолжается после утраты разума), так и на конфликте между человеком и законами мироздания – «винтиком» и «мировой машиной». В произведениях Л.Н. Андреева («Дневник сатаны») и И.К. Быковского («Сто дней в сумасшедшем доме») ментальное здоровье героев сопоставляется с образом машины – паровоза, ситуации сумасшествия представлены как картины железнодорожной катастрофы. Ф.В. Гладков в повести «Пьяное солнце» на примере пациентов санатория для нервнобольных предлагает сравнение человека с механическим предметом, душевную болезнь – с механизмом, требующим починки. В романе Г.Н. Гайдовского «Картонный император» обезумевшему герою открывается истина о мировой системе: она представляется ему глобальным спектаклем, в котором происходит конфликт между кукловодом и марионетками. Е.И. Замятин в романе «Мы» обращается к смысловой оппозиции «разум / безумие», в рамках которой противопоставляет системе Единого Государства и системе «идеальных номеров» – безумие как способ ухода от давления тоталитарной системы.

Ключевые слова: феномен безумия, образ безумца, мотив поломки механизма, мотив прозрения в безумии

I.A. Nazarov (Moscow, Russia)

The Motif of a Broken-down Mechanism in the Context of the Literary Theme of Madness

Abstract: The article deals with the peculiarities of the artistic embodiment of the phenomenon of insanity in the literature of the first third of the 20th century – in particular, to various variations in the motive for breaking the mechanism in the context of the

topic under study. In the works of various authors, a variety of ideas about the mind (as an abstract or concrete mechanism) and insanity (as a phenomenon capable of damaging the mechanism partially or completely) is revealed. In the story of G.P. Beloretsky "In a madhouse" the author focuses attention both on the breakdown of the "mechanism" of an individual (the situation when the life of the body continues after the loss of the mind) and on the conflict between man and the laws of the universe – the "cog" and the "world machine". In the works of L.N. Andreyev and I.K. Bykovsky, one can see a comparison of the mental health of the characters with the image of the machine – the locomotive and the presentation of the situation of insanity as a picture of a railway accident, because of which the train turns over and continues to move out of the rail. F.V. Gladkov in the story "Drunken Sun" shows a comparison of a person with a mechanical object, and a mental illness with a mechanism requiring repair. In the novel G.N. Gaidovsky's "Cardboard Emperor" reveals to the disingenuous hero the truth about the world system – it seems to him a global spectacle in which there is a conflict between puppet master and puppets. E.I. Zamyatin in the novel "We" refers to the semantic opposition "mind / madness," in which he opposes the system of the United State – insanity as a way of escaping the pressure of the totalitarian system.

Key words: the phenomenon of madness, the image of a madman, motive of breakage of the mechanism, motive of insight in madness

Психическое заболевание, его физический и философский аспекты достаточно широко представлены в произведениях мировой литературы различных эпох. Художников в разное время интересовали как патогRAFическая сторона темы (подробные описания деталей душевной болезни, ее физиологический аспект), так и попытка социально-философского рассмотрения целого ряда проблем: подвижность границ между нормой и безумием, формирование критериев инаковости, проблемы симуляции, аттестации и самоаттестации безумия, лечения психической болезни и многие другие. Особенность явления безумия, как отмечает М. Фуко, заключается в том, что, будучи сферой человеческого опыта, оно «никогда не исчерпывалось его возможным медицинским или парамедицинским познанием» [Фуко 144]. Психическая болезнь представляет собой многоаспектный феномен, привлекающий внимание целого ряда наук: литературоведения, философии, культурологии, социологии и других. В рамках междисциплинарного подхода к проблеме отметим, что в культуре различных стран и народов обнаруживаются речевые обороты, используемые для констатации психической болезни (или выхода за рамки принятой нормы, сопоставляемого с неразумным поведением); в отечественной культуре известны выражения «сойти с ума», «не все дома», «повредиться», «сойти с резьбы», «без царя в голове» и другие. Анализируя концептуализацию ментальных расстройств в русском языке, Е.П. Плива приводит несколько метафорических моделей, одна из которых: «Ум – это механизм, а нарушение ментальной деятельности – поломка механизма» [Плива 21]. В контексте исследуемой темы отметим значимость философских представлений о человеке и, в частности, его рассудке как о специфической системе (механизме, машине). Пример подобного восприятия можно увидеть в работах западноевропейских мыслителей XVII в., так или иначе обращавшихся к концепции механистического материализма (Г. Галилей, И. Ньютон, Ж.О. Ламетри, Т. Гоббс и др.). Указанная интерпретация касалась не только отдельного индивидуума, но

человечества в целом, что создавало картину «всемирного механизма», состоящего из множества деталей. Исходя из представлений о человеческом рассудке как о системе (космосе) авторы ряда литературных произведений на различных уровнях художественного выражения ситуацию психического заболевания связывали с мотивом поломки, дефекта, изъяна и т. п. Ниже мы рассмотрим указанный мотив на примере нескольких художественных произведений отечественной литературы первой трети XX в.

В 1903 г. в журнале «Русское богатство» была опубликована повесть Г.П. Белорецкого «В сумасшедшем доме». Название повести отвечало интересам эпохи рубежа XIX–XX вв., представители которой часто обращались к теме безумия и различным ее воплощениям (И.А. Бунин, З.Н. Гиппиус, М. Горький, Ф. Сологуб и др.). В центре повести студент-медик Иванов, проходящий практику в земской больнице и в городской психиатрической лечебнице. В первой части повести представлена картина деревенского «семейного патронажа» и сопутствующие ему ужасы содержания больных, что соотносится с традиционным фольклорным восприятием психической болезни как одержимости бесами. Вторая часть повести посвящена положению безумцев, находящихся на лечении в специализированной клинике. Из-за переполненности пациентами и недостатка персонала лечебница превращается в тюрьму, где невозможно вылечить душевнобольных.

Дважды в повести предпринимается попытка философски осмыслить безумие личности и «безумие мира» (комплекс проблем онтологического и философского характера) как взаимосвязанных категорий. В первом случае земский доктор, осматривая помешавшегося крестьянина, говорит о сумасшествии отдельного человека как о поломке внутри него «драгоценной и сложной машины», о выведенной из строя детали: «...в глубине механизма выпал винтик или покривилось колесо, а движущая сила все еще работает... И колеса вертятся, машина работает, но бестолково, нескладно, нелепо... А поврежденное колесо все более и более выходит из нормального положения, тянет за собой другие части механизма – и машина работает все бестолковее, пока, наконец, не встанет» [Белорецкий 121]. В повести двойственно представлен мотив смерти: смерть физического тела и смерть психического здоровья (т. е. безумие). Трагедия героя-безумца, по Г.П. Белорецкому, заключается в том, что смерть разума наступает раньше смерти тела: персонаж почти полностью утрачивает человеческие черты и оказывается подобен животному.

Второе упоминание в повести о безумии как о поломке механизма принадлежит Загорскому, одному из пациентов клиники. Помешавшийся философ, последователь А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, убежден в том, что человечество погружено в естественно-историческое несчастье, при этом интересным образом изображен конфликт человека и мира, «машины» и «винтика»: «Мир представлялся мне сложной, раз навсегда заведенной машиной, которую приводят в действие неизвестные мне силы с неизвестными целями и по неизвестным законам. И каждый из нас играет роль неизмеримо маленького и ничтожного винтика в этой машине. Этот винтик скромно исполняет свою маленькую роль – и почему-то уверен, что он “одухотворен” и господин машины...» [Белорецкий 157]. Примечательно, что свою жизнь до обнаружения психического заболевания герой сравнивает со слепотой – с наступлением безумия он обретает характерный (для персонажа-безумца в искусстве) статус прозревшего и обличителя-маркера. Помешательство наделяет Загорского не только статусом пациента, но и врача, способного поставить диагноз обществу и определить причины поломки «мирового механизма».

Среди упомянутых ранее произведений рубежа XIX–XX вв. исследуемая тема представлена и в очерке И.К. Быковского «Сто дней в сумасшедшем доме» (1903), где об одном из обитателей «Канатчиковой дачи» рассказывается следующее: «Отсидел он за решеткой свой срок, и так на него это подействовало, что когда он вышел оттуда, то уже одного винта у него в голове не было. А как на свободу выкатился, опять напасть <...>. Он и съехал с рельсов» [Быковский 111]. В данном контексте значимость приобретает мотив сопоставления разума / безумия с механическим средством передвижения и его поломкой. Психическая болезнь представлена в очерке и как процесс (утрата механизмом детали – винта), и как результат – допустимо соотношение рельс с жизненным путем, а железнодорожного состава с ментальным здоровьем. Добавим, что в различных произведениях искусства подобная интерпретация темы отличается вариативностью: герой безумец может быть соотнесен с неуправляемым и/или попавшим в катастрофу поездом, с другой стороны, автор может сравнивать героя и саму психическую болезнь с обезумевшим машинистом – оператором, утратившим контроль над машиной.

В одном из интервью Л.Н. Андреев, размышляя о хрупкости человеческого разума, сравнил его с паровозом: «Безгранично сильный, как паровоз, когда по рельсам он мчит вагоны, отчаянно хрупкий, как тот же паровоз, когда на рельсы бросят только камень... разум требует, чтобы с ним обращались с осторожностью»¹. Данный мотив получил развитие в романе Л.Н. Андреева «Дневник сатаны» (1919), где вочеловечившийся сатана воспринимал обитателей психиатрических лечебниц как людей, обретших тайное знание и не способных выразить его человеческим языком. Трагическое положение пациентов клиники он сопоставляет с железнодорожной катастрофой: «Ты слышишь, как шипят и вертят в воздухе колесами эти свалившиеся паровозы, ты замечаешь, с каким трудом они удерживают на месте разбегающиеся черты своих изумленных и пораженных лиц?» [Андреев 118]. В данном контексте перевернувшийся поезд подразумевает внутренний надлом, определяющий дальнейшую жизнь как иллюзию движения, пребывание за границами сознания (вне проложенного пути). Символично, что впоследствии герои попадают в железнодорожную катастрофу («...поезд сошел с ума и сковырнулся» [Андреев 123]), после чего происходит роковая встреча сатаны с Магнусом.

В контексте исследования также допустимо рассмотрение одного из ранних произведений Л.Н. Андреева – рассказа «Исповедь умирающего» (1898), где тема сумасшествия интерпретировалась автором в философском аспекте. По сюжету рассказа утрачивающий рассудок старик пытается переосмыслить свой жизненный путь, который приобретает в его сознании образ конки. Чрезвычайная медлительность транспортного средства, с одной стороны, обнаруживает сатирический подтекст (время в пути может составить целую жизнь), с другой – может быть интерпретирована как угасающее сознание безумного старика. Исповедь героя-безумца оказывается частью потока сознания, что Андреев подчеркивает как на уровне элементов искаженной исторической действительности (первые конки появляются в Москве в начале 1870-х гг., а герой начинает свой путь в 1861 г.), так и в самой речи старика, которая носит фрагментарный характер: лишена логической последовательности, прерывается припадками болезни.

В советской литературе сопоставление нарастающей душевной болезни с вышедшим из строя механизмом есть в повести Ф.В. Гладкова «Пьяное солнце» (1927), в центре которой жизнь обитателей санатория для нервных больных. Пере-

¹ См.: Эпоха. 1908. № 1. (28 авг.).

полненность учреждения пациентами, по мнению автора, – результат трагического несоответствия обещанных во время Октябрьской революции преобразований и угнетающей действительности, то привело к массовой переутомленности молодых комсомольцев. Образы пациентов, близких к психической болезни, соотносятся в повести с требующими починки предметами – в данном контексте примечательна используемая автором заводская лексика: «ты меня вывела из строя», «производили большой душевный переворот», «многие требуют серьезного ремонта» и др. [Гладков 186].

Проблема массового появления «кандидатов на душевное расстройство» раскрывается в повести через смысловую оппозицию «природа / механизм». Указанный аспект отражается на различных уровнях: природным образам птицы и солнца противопоставлены образы корабля и порта как символы достижений новой эпохи. Другим воплощением обозначенной оппозиции оказывается столкновение между внешними формами приличия, которые соблюдают комсомольцы (партийность как новая социальная норма) и внутренним бунтом: сосуществование разума и инстинкта, интеллектуальной сущности и животной стихии, – и в результате герои переживают острый внутренний конфликт. Обозначенная смысловая оппозиция распространяется в повести и на мотив лечения душевной болезни: воздействие направлено и на души героев (в беседах и в созерцании природы), и на тело (механические процедуры – электричество, вода).

Отчасти схожее развитие исследуемой темы находим в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» (1932). С одной стороны, социализм здесь представлен как колоссальный механизм, как великий коллектив – данная идея получает воплощение в образе завода, где каждый работник – «колесо в механизме». С другой стороны, колоссальный механизм соотносится в романе с психической системой «меньших механизмов», чему уделяется значительное внимание в диалоге психиатра Апперцепциуса со священником. Каждый человек, по заключению врача, обладает нервной системой и психической организацией, зависящей как от изученных факторов, так и от других, все еще не исследованных: «Во-первых, представление о свободе воли ограничивается самой физиологией головного мозга, как субстрата душевной деятельности! Во-вторых, от нашего сознания скрыты все истинные мотивы и весь механизм процесса...» [Шишков 790]. Отметим, что актуальность феномена безумия в искусстве исследуемого периода обусловлена историческими предпосылками, открытиями в области медицины, психологии, социальной психологии, психиатрии (переосмысление опыта Ч. Ломброзо, развитие учений В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, З. Фрейда и других). В данном контексте изучение человеческой психики представлено двойственно: с одной стороны, новая эпоха отмечена попытками досконально изучить человеческое тело и сознание, а с другой – несмотря на развитие науки и обилие исследований, человеческая психика (и природа психического заболевания) оказывается недоступна для абсолютного понимания.

Исследуемая тема оригинально представлена в романе Г.Н. Гайдовского «Картонный император» (1924). По сюжету произведения «поэт в отставке» Трибогов оказывается в 1920-х гг. на службе у оставшегося в живых императора Николая II. Происходящие события оказываются плодом большой фантазии героя, а кульминация – сон, в котором Николай II свергает власть в СССР и устанавливает свой собственный еще более жестокий режим. В данном контексте безумие Трибогова оказывается реакцией на дисгармонию окружающей действительности и следствием внутреннего конфликта: герой становится не только жертвой, но ре-

цептором «безумия мира» и человеком, способным поставить диагноз мировому Разуму. Прозрение в душевной болезни позволяет Трибогову осознать глубину историко-социальной катастрофы: смена государственного строя не делает лучше жизнь человечества. Герой осознает, что людьми управляет всемогущий кукловод, приводящий в действие особый «механизм» – сцену с марионетками. Впрочем, механизм оказывается несовершенным, и значимую роль в «спектакле» могут сыграть и сами куклы, часть которых «начинает делать не то, что хочет мастер, – то ли механизм испортился, то ли мастер пьяным берет ниточки в свои руки, только марионетки делают то, что никак не может попасть в предназначенное им высшим сценарием русло» [Гайдовский 160]. В финале романа Трибогов избирает для себя иной путь – побег от «безумия мира» с помощью самоубийства.

Интерес представляет не только сопоставление ментального здоровья с механизмом, но и мотив сознательного деструктивного воздействия на него, иными словами – связь исследуемой темы с мотивом доведения до сумасшествия. Указанный аспект темы представлен в романе А.Р. Беляева «Голова профессора Доуэля» (1925), где психиатрическая лечебница доктора Равино специализируется на целенаправленном доведении здоровых людей до сумасшествия и/или суицида. Главврач соотносит ментальное здоровье с механизмом, для повреждения которого необходимо использование комплекса определенных действий. В данном контексте образ больницы получает «изнаночную» интерпретацию: процедуры, применяемые для достижения обозначенных целей, названы в романе сложной системой «психического отравления» [Беляев 285]. Специфика системы представлена в романе на примере героини Мари Лоран. Помимо личных бесед с Равино (во время которых психиатр цинично признается в своих планах), героиня ощущает разностороннее воздействие: в палате Лоран постоянно горит яркий свет (так «лечат» от бессонницы), по ночам героиня слышит минорную музыку, исполняемую на виолончели и скрипке («эффект» достигается особым настроением мелодии и ее постоянным механическим повторением). Главная задача в доведении человека до безумия, по Равино, заключается в постоянном внушении пациентам двух типов мысли: о смерти (это достигается за счет особенностей местоположения лечебницы) и сомнений в своем здоровье и адекватности (окружающая действительность должна казаться им проекцией собственного больного воображения).

В романе Е.И. Замятина «Мы» (1920), наряду с целым рядом смысловых оппозиций, одной из центральных оказывается противостояние Разума (как идеологической и нравственной основы Единого Государства) и безумия (как способа противостояния тоталитарной системе). Мир Единого Государства представляет собой механизм, состоящий из значимых частей: в романе представлены образы Интеграла, Музыкального Завода, Машины Благодетеля. Сам человек оказывается «тончайшим из механизмов»: образ совершенного человека – это номер, отказавшийся от фантазии в пользу «однообразного ритма маятника». «Разумная механичность» героя Д-503 меняется (повреждается) под впечатлением от общения с I-330: сначала он начинает видеть сны («сны – это серьезная психическая болезнь <...>, мой мозг был хронометрически выверенным, сверкающим, без единой соринки механизмом, а теперь <...> в мозгу, какое-то инородное тело» [Замятин 232]), а впоследствии Медицинское Бюро обнаруживает у героя «образование души». В данном контексте душа оказывается своеобразным антиподом Разума, демонстрируя способность воспринимать действительность и игнорируя доведенную до абсурда разумность и математический расчет. Примечательно,

что в одном из эпизодов состояние героя характеризуется так: «в голове – сумасшедшая кузница», – и противопоставление окружающей действительности представлено на нескольких уровнях: помимо нехарактерного заведения для «идеального мира» Единого Государства, акцентируется и уход героя от государственного контроля над своим сознанием (Хаос вместо Порядка). Сумасшедшая кузница «внутри» головы Д-503 противопоставлена Единому государству, которое пронизан организованной тишиной – исключение составляют механический гимн, исполняемый Музыкальным Заводом, и строевые песни марширующих номеров. Характерно, что «обнаруженная душа» позволяет Д-503 внезапно услышать шум капающей из крана воды, т. е. ощутить изъян в математически выверенном мире. Отметим, что развитие «болезни» герой сопоставляет с нарастанием окружающего и внутреннего шума: «Я еще весь дрожу от пережитых волнений, как мост, по которому только что прогрохотал древний железный поезд. Я чувствую себя» [Замятин 297]; «Я – как машина, пущенная на слишком большое число оборотов; подшипники накалились, еще минута – закапает расплавленный металл, и все – в ничто. Скорее – холодной воды, логики» [Замятин 301]. Подчеркнем, что помешательство героя имеет в романе не медицинское, а нравственное содержание: бунт в условиях тоталитарной системы оказывается символом инаковости, ухода от нормы Единого Государства. В данном контексте характерно то, что для борьбы с системой Д-503 призывает окружающих двигаться от механизма в сторону безумия: «Надо всем сойти с ума, необходимо всем сойти с ума – как можно скорее!» [Замятин 320], – вступая в полемику с идеей Единого Государства с его идеальными номерами, лишенными фантазии.

Таким образом, в литературных произведениях первой трети XX в. обнаруживаются различные вариации воплощения мотива поломки механизма в контексте темы безумия. В повести Г.П. Белорецкого «В сумасшедшем доме» автор акцентирует внимание как на поломке механизма отдельного человека (ситуации, когда жизнь тела продолжается после смерти разума – безумия), так и на конфликте между «мировой машиной» и «винтиком». В произведениях Л.Н. Андреева и И.К. Быковского ментальное здоровье героев сопоставлено с паровозом, а ситуация сумасшествия – с картиной железнодорожной катастрофы, когда поезд сходит с рельсов и продолжает движение вне пути. Ф.В. Гладков в повести «Пьяное солнце» сравнивал человека с механизмом, а душевную болезнь – с механизмом, требующим починки. В романе Г.Н. Гайдовского «Картонный император» безумевшему герою открывается истина о мировой системе-спектакле, в котором происходит конфликт между кукловодом и марионетками. Е.И. Замятин в романе «Мы» обращается к смысловой оппозиции «разум / безумие», в рамках которой противопоставляет системе Единого Государства и системе «идеальных номеров» безумие как способ ухода от давления тоталитарной системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Л.Н.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1996. 720 с.
- Белорецкий Г.П.* В сумасшедшем доме // Русское богатство. 1903. № 3. С. 109–162.
- Беляев А.Р.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 1: Остров погибших кораблей; Голова профессора Доуэля. М.: Молодая гвардия, 1963. 336 с.
- Быковский И.К.* Сто дней в сумасшедшем доме: впечатления автора. М.: Тип. Добрышева, 1903. 223 с.

Гайдовский Г.Н. Картонный император: [необыкновенная история]. М.: Новые вехи, 1924. 173 с.

Гладков Ф.В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.; Л.: ЗИФ, 1928. 364 с.

Замятин Е.И. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2: Русь / Сост., подгот. текста и коммент. Ст.С. Никоненко и А.Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2003. 592 с.

Плива Е.П. Концептуализация ментальных актов и состояний в русском языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. ун-т им. Иммануила Канта. Калининград, 2005. 24 с.

Эпоха. 1908. № 1. (28 авг.).

Фуко М. История безумия в классическую эпоху / [Пер. с фр. И.К. Стаф]. М.: АСТ, 2010. 698 с.

Шишков В.Я. Угрюм-река. М.: РИПОЛ; Современник, 1993. 893 с.

REFERENCES

Andreyev L.N. Collected Works: In 6 vols. Vol. 6. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1996. 720 p.

Belorecky G.P. In a Madhouse. Russkoe Bogatstvo. 1903. No 3, pp. 109–162.

Belyaev A.R. Collected Works: In 8 vols. Vol. 1. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ. 1963. 336 p.

Bykovsky I.K. A Hundred Days in a Madhouse: The Author's Impressions. Moscow. 1903. 223 p.

Gajdovsky G.N. The Cardboard Emperor: [An Extraordinary Story]. Moscow. Novye Vekhi Publ. 1924. 173 p.

Gladkov F.V. Collected Works: In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Leningrad. ZIF Publ. 1928. 364 p.

Zamyatin E.I. Collected Works: In 5 vols. Vol. 2. Moscow. Russkaya Kniga Publ. 2003. 592 p.

Pliva E.P. (2005) Conceptualization of Mental Acts and States in Russian: synopsis / Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad. 24 p.

Epokha. 1908. No 1. August 28.

Foucault M. (1988) Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. N.Y. 300 p.

Shishkov V.Ya. (1993) Ugryum-Reka. Moscow. RIPOL; Sovremennik Publ. 893 p.

Сведения об авторе:

Иван Александрович Назаров,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
ГБУК г. Москвы «Музей М.А. Булгакова».

Ivan Aleksandrovich Nazarov,
PhD
Senior Researcher
M.A. Bulgakov Museum. Russia, Moscow.
Nazarov.postbox@gmail.com